

Секция 4

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

21 мая 2016 г. Лекционный зал № 5, СПбГУП

Руководители секции:

Ч. ВАРГА	почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор
Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
ЦАЙ ЦУНЬЯН	профессор Школы права Сямэньского университета (Китай)

ДОКЛАДЫ

М. В. Антонов¹

ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация как усиление взаимосвязи между происходящими в разных частях мира процессами также ставит ряд концептуальных и практических вопросов применительно к такому признаку государственности, как суверенитет. Суверенитет, понимаемый как независимость по отношению к другим властям вовне и преобладание над теми властями, которые существуют внутри общества, обычно считается ключевым признаком государственной власти. В этом смысле выделяется негативный суверенитет (как свобода от чужого вмешательства) и позитивный суверенитет (как способность самостоятельно решать свои проблемы). При этом речь идет о юридическом преобладании, поскольку фактически часть или даже вся территория государства может выйти из-под контроля центральных властей (например, мафия, революции); да и если бы даже была возможность достоверно измерить фактический объем верховенства и независимости власти, то результаты таких измерений ничего бы не говорили о суверенитете как таковом (ведь суверенитет не увеличивается и не уменьшается в зависимости от изменения показателей признания властей со стороны общественного мнения).

¹ Доцент кафедры теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики, кандидат юридических наук. Автор научных публикаций по теории, социологии права, проблемам суверенитета, в т. ч.: «Принцип формального равенства и взаимное признание права» (в соавт.), «Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма» (в соавт.), «Правоведение для сельскохозяйственных и ветеринарных вузов» (учебник), «Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича», «История правовой мысли России», «Georges Gurvitch: Ecrits russes (ecrits de jeunesse)» (в соавт.) и др.

Здесь мы встречаемся с круговым характером определения государства через суверенитет: если суверенитет не есть фактическое могущество (абсолютное фактическое преобладание и полная фактическая независимость в политических реалиях редко встречаются в чистом виде), значит, суверенитет есть юридический признак, свойство, которое придается особой разновидности власти (мы ее называем публичной) правовыми нормами. Но сама отсылка, делаемая такими нормами к данной власти, уже предполагает ее квалификацию как государственной власти. Если мы говорим о том, что некая власть суверенна, то предполагаем за ней *право* на верховенство внутри и независимость вовне. Это право не основано на фактах (реальной мощи вооруженных сил, правительстве и т. п.); оно основано на правовых нормах, которые признают за этой властью верховенство на определенной территории и независимость за пределами этой территории. Такие нормы устанавливают, что некая власть, образуемая на конкретной территории согласно определенным нормам, считается государственной и поэтому обладает суверенитетом. Как правило, это либо конституционные нормы самого государства (тогда само государство наделяет себя суверенитетом), либо нормы международного права, которые признают за некоторыми правительствами, иными властными органами право выступать в качестве государственных органов.

Таким образом, мы приходим к тому, что суверенной считается та власть, которая является государственной (либо с точки зрения внутреннего права, либо с точки зрения международного правопорядка), а госу-

дарственной является та власть, которая обладает суверенитетом. Определение государственной власти через ее суверенитет оказывается цикличным, представляет собой круг в определении. Но это не является непреодолимым препятствием — в данном случае речь идет просто о том, что и само государство как понятие невозможно определить без отсылок к праву. Такие отсылки (иначе говоря, юридическая характеристика государственной власти) позволяют выйти из круга определения.

Идея суверенитета как юридической характеристики государственной власти, описывающей ее верховенство в обществе, не была известна в Античности. Верховная власть тогда мыслилась как принадлежность отдельным лицам, поэтому характеристики ее осуществления оценивались в перспективе положения правителя. Признавалось, что самобытность, автаркия могут быть свойствами правящего лица, характеризующими относительную самостоятельность правителей в принятии своих решений. Но это не свойство государства как такового, которое древние греки еще не умели отделять от личностей властвующих. Автаркия подразумевала фактическую самостоятельность правителей в материальном, военном и иных смыслах, она использовалась Аристотелем и стоиками для описания идеального государственного устройства, чтобы продемонстрировать, что правители не зависят ни от кого, кроме законов. В этом отношении идея верховенства и независимости власти указывает не на юридическую природу государства как высшего политического союза в обществе, а на нравственные требования, предъявляемые к правителю, который не должен попадать в зависимость от кого бы то ни было.

Понимание государства как лица, органа, независимого субъекта, структуры, не тождественной фактическим обладателям государственной власти, отсутствовало и у древних римлян. Государство понималось либо как объединение граждан (республика), либо как достояние правителя (империя), либо как вымышленный участник гражданского оборота (*persona ficta*). Те характеристики, которые использовались для выделения государственной власти на фоне других властных институтов общества, указывали только на отдельные функции государства — *majestas* как величие, достоинство власти; *potestas* как возможность действия (императору принадлежит *suprema potestas*); *imperium* как высшая военная власть.

Идея суверенитета берет свое начало в позднем Средневековье. Первоначально само слово «суверен» использовалось во французском языке (в других языках использовались термины, производные от «верховенства», например *Noheit* в немецком) в смысле «более высокий», «превосходящий» и употреблялось для обозначения руководителей разного рода (президентов судов, начальников королевских служб и пр.). В этом смысле сюзеренами называли не только королей, но и баронов, других лиц, которые обладали властью суда и управления над проживающим на их территории населением. Если короля и называли сувереном, то в смысле «совершенного сюзерена» (*sovereign parfait*), чья власть не производна от акта пожалования

другого сюзерена. В Средние века города, республики, княжества, церковь, империя мыслились как разнородные политические образования, для единого совокупного обозначения не было общего слова «государство» (введенного только Макиавелли). Само государство не мыслилось как отдельный субъект права, поэтому проблематика суверенитета обсуждалась не как проблема независимости государственной власти, а как пределы самостоятельности политики государя, вопрос производности власти от согласия народа, от Божественной воли и пр. Структура взаимоотношений этих политических образований была чрезвычайно размытой, она представлялась устроенной иерархически, но это представление расходилось с фактами, свидетельствующими о независимости власти большинства правителей от вышестоящего авторитета (императора, папы, короля и т. д.). В силу этого положения вещей правители обладали фактической властью над своими доменами, но юридически считались находящимися в состоянии зависимости.

Идея суверенитета как юридической независимости и самостоятельности государственной власти стала приобретать знакомые нам черты с XIII века, когда легисты (юристы, выступавшие на стороне французского короля против притязаний Папы и императора Священной Римской империи) начали обосновывать концепцию единства суверенитета, то есть подчиненность всех сюзеренов страны суверенному королю, от которого и производна их власть. В этом отношении идея королевского суверенитета вступала в противоречие с идеей народного суверенитета, в рамках которой народ, его воля и согласие, считался источником власти государя, чем и воспользовались французские монархологи XVI века (Готман, Ланге и др.), выступая против абсолютного характера власти короля. Но с XV века термин «суверен» применяется во Франции только к королю.

Таким образом, сама идея суверенитета появилась как идеологический прием, обосновывающий власть государя в борьбе против раздробленности государства, наделяющий эту власть правомочностью высшего источника правовой власти в противовес фактической власти неподконтрольных королю феодалов, католической церкви и Священной Римской империи. Эта идея была введена в политический и юридический оборот французским мыслителем XVII века Жаном Боденом. Он с ее помощью пытался указать на то качественное отличие власти короля от власти других светских правителей, которое заключалось в том, что король правит по своему праву, тогда как права других властителей производны от права короля. *Souveraineté*, или *suprematis*, или *suprema potestas* в дословном переводе и означает верховную силу. Для Бодена суверенной является такая власть, которая не связана никакими законами, кроме законов Бога, это «постоянная и абсолютная власть», представляющая собой необходимый признак государства. Боден попытался примирить идеи королевского и народного суверенитета, обосновывая тезис о том, что народ уступил свою власть королю ради общего блага. Классическое определение суверенитета дал немецкий правовед XIX века Г. Еллинек,

понимавший под суверенитетом такое свойство государства, в силу которого оно может юридически обязываться только через волю государства. С тех пор данное определение получило широкое распространение, хотя теоретики до сих пор спорят, обладает ли государство как политический институт, как особый социальный организм некоей волей, что является более чем спорным и сомнительным.

Другой важный вопрос: являются ли источником суверенитета нормы внутреннего или международного права? Представляется, что и то, и другое одновременно, если мы признаем двойственность (внешний и внутренний аспекты) суверенитета и его правовой характер. Страна, в которой банда разбойников или революционеров захватила власть, не может считаться государством, пока эта банда не создаст устойчивый порядок власти и управления, а устойчивость может быть создана только нормами права, хотя бы неписаными. Но в качестве государства данное образование может действовать пока только для своих подданных; если созданная система власти не отвечает требованиям международного права и не признается другими государствами, то она еще не является суверенной (в том плане, что нарушение территориальной целостности, военное вмешательство и тому подобное не будут считаться противоречащими международному праву).

Изложенное свидетельствует о том, что понятие суверенитета имело различные интерпретации и выполняло различные функции в истории юридической науки и что в настоящее время в научном дискурсе суверенитет осмысливается сразу в нескольких ракурсах. Для более выверенного научного анализа необходимо понимание различий и возможной несовместимости между собой этих интерпретаций, а также условности самого

понятия суверенитета. Вместе с тем, если в правовой науке классического типа можно было рассуждать о суверенитете как о необходимом признаке государственности, современные тенденции глобализации делают эти рассуждения проблематичными. Происходящие в разных частях мира процессы развития государственности демонстрируют возможности неклассической эволюции государств, которые кооперируют между собой на условиях «сетевых», «многоуровневых» или «делимого» суверенитета. Типичный пример представляет собой Европейский Союз, где значительная доля суверенных прав переносится на общеевропейские институты (Еврокомиссия, Суд справедливости ЕС, Европарламент и пр.). Происходящие на пространстве бывшего СССР интеграционные процессы (прежде всего развитие СНГ, Таможенного союза, ЕЭС) также ставят перед российскими теоретиками задачу переосмысления концепции суверенитета и уточнения границ этого признака государственности, проблематизацию статуса суверенитета как необходимого (или же факультативного?) признака государства.

Приведенные выше характеристики суверенитета указывают на основополагающие принципы осмысления государственности в отечественной правовой доктрине. Вместе с тем процессы глобализации требуют того, чтобы эти принципы не воспринимались как самоочевидные и чтобы на научных форумах они обсуждались не только применительно к классическим формам научного знания о праве и государстве, но и применительно к неклассической теории права, постмодернистским представлениям о государственности и к тем идеям о праве, которые развились в западной юриспруденции в качестве ответа на вызовы глобализации.